

СТОИТ ЛИ МЫСЛИТЬ НАУКУ ВНЕ ИСТОРИИ?*

Столярова Ольга Евгеньевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: olgastoliarova@gmail.com

Анализируются два модуса исторического подхода к науке, которые Л.В. Шиповалова обозначила как «непроблематичный» и «безжалостный». Показано, во-первых, что эпистемология неизбежно становится исторической, когда обращается к науке, потому что исторический подход соответствует самому ее предмету – науке. Во-вторых, показано, что связь между «непроблематичной» и «безжалостной» историчностью можно рассматривать как связь «тождественного» и «иного» в онтологической концепции истории науки Эмиля Мейерсона.

Ключевые слова: история и философия науки, историческая эпистемология, логический позитивизм, научные революции, историзм

SHOULD WE CONCEIVE SCIENCE OUTSIDE THE HISTORY?

Olga Stoliarova – PhD in Philosophy, senior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: olgastoliarova@gmail.com

This paper analyzes the two modes of historical approach to science which L.V. Shipovalova puts as “unproblematic” and “ruthless”. First, it is shown that epistemology inevitably becomes historical when it addresses itself to science, because a historical approach meets the demands of the subject (science). Second, it is shown that the relationship between “unproblematic” and “ruthless” historicisms can be considered as the relationship between “identity” and “difference” as this relationship is presented in Émile Meyerson’s doctrine of ontological history of science.

Keywords: history and philosophy of science, historical epistemology, logical positivism, scientific revolutions, historicism

Открытая Л.В. Шиповаловой на страницах журнала дискуссия по проблемам исторической эпистемологии имеет насущный характер. Это не означает, что социогуманитарные науки до сих пор не ставили вопроса об историчности науки и научной рациональности, о культурной обусловленности знания и научного познания. Наоборот, в последние пять-шесть десятилетий эти вопросы были, пожалуй, самими обсуждаемыми. Однако среди безбрежного моря социокультурных и релятивистских подходов, концепций и направлений историческая эпистемология не только не потерялась, но заявила о себе как о сложившейся дисциплине, выстроившей широкую институциональную сеть и вербующей все больше сторонников. При этом львиная доля усилий адептов исторической эпистемологии, среди которых не только философы, но и представители других социогуманитарных, а

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-03-00033 «Эмпирическая метафизика и условия ее возможности».

также естественных, наук, направлена на то, чтобы прояснить теоретические и практические основания этой дисциплины и ответить на вопрос: что же такое историческая эпистемология и в чем секрет ее востребованности [Feest, Sturm, 2011; Nasim, 2013].

В панорамной картине проблематики исторической эпистемологии, которую представила Л.В. Шиповалова, я бы хотела вслед за Ладой Владимировной выделить следующий принципиальный вопрос: стоит ли историческое рассмотрение науки той цены (релятивизма), которую приходится за него платить? Но я сформулирую этот вопрос противоположным образом: стоит ли мыслить науку вне истории и какова цена, которую пришлось бы заплатить за такое рассмотрение? Я говорю: *пришлось бы*, потому что считаю, что вне истории наука никогда и никем из эпистемологов не мыслилась, но при этом я хочу сохранить аксиологическую модальность вопроса, поставленного Ладой Владимировной, модальность, подразумевающую возможность выбора в пользу одной или другой позиции.

Для начала я приведу соображения по поводу первой части моего предыдущего высказывания, а именно, что «вне истории наука никогда никем из эпистемологов не мыслилась». Не ставит ли такое решительное отрицание под вопрос само предприятие *исторической эпистемологии*, которая заявляет о себе как критика *неисторической* (классической) эпистемологии? Классическая эпистемология рассматривает знание «с точки зрения Бога», т. е. как обладающее абсолютными характеристиками (к которым относятся условия, источники, структура, пределы), не зависящими от времени и места. Она занимается логическим, а не фактическим обоснованием знания. Таковы намерения классической эпистемологии, но удалось ли их реализовать в отношении науки, которая, отделившись от философии, стала главным предметом рассмотрения теории познания?

Основатель трансцендентального метода в теории познания Кант начинает с исторического факта появления новой науки (экспериментально-математического естествознания), априорные условия которой он определяет в «Критике чистого разума». Новая наука, вставшая после «быстро совершившейся революции» на «широкий путь» [Кант, 1993, с. 19], находится в начале этого пути, что обещает приращение знаний в будущей истории человечества. Новая наука оправдала обещания и исправно поставляла новые факты и теории до тех пор, пока философы не зафиксировали в первой трети XX в. новую научную революцию, которая опять совершилась *во времени*, как исторический (пусть и растянутый на десятилетия) факт и снова потребовала от философов определить условия своей возможности (опустим для экономии места микро-революции и философскую работу по их осмыслению). Неисторический подход в философии науки и эпистемологии обычно связывают с логическим позитивизмом,

который «стремился к нейтральной системе формул, символике, освобожденной от засорений исторически сложившихся языков» [Карнап, Ган, Нейрат, 2005, с. 17]. Но усилия логического позитивизма были инспирированы именно историей науки и направлены на установление связей между ньютоновской классической механикой, получившей трансцендентальное обоснование в критической философии Канта, и новейшими открытиями в физике и математике (теория относительности, неевклидовы геометрии, теоремы Геделя), которые требовали пересмотра трансцендентальных оснований. Релятивизированные априорные принципы научного познания, изменяющиеся вместе с развитием науки, были сформулированы Рейхенбахом и Карнапом [Friedman, 1999, с. 68–69] с целью сделать *историю* науки предметом рационального осмысления. «Наше понимание логического позитивизма... должно быть фундаментально пересмотрено, когда мы вернем позитивистов в их оригинальный интеллектуальный контекст, контекст революционного развития науки и столь же революционного развития философии того времени» (Friedman, 1999, ch. XV). Когда эпистемология обращается к науке, она неизбежно становится *исторической*. А поскольку наука есть главный предмет ее попечения, она почти без остатка исчерпывается этой проблематикой. Как подчеркивал Поппер, «центральной проблемой эпистемологии *всегда была и до сих пор остается* (курсив мой. – О.С.) проблема роста знания» [Поппер, 2004, с. 15].

Какова могла бы быть цена *неисторического* рассмотрения науки? Для ответа на этот вопрос я сошлюсь на концепцию Э. Мейерсона, одного из основателей французской эпистемологической школы (школы, наследницей которой считает себя современная историческая эпистемология). С точки зрения Мейерсона, развитие науки определяется двумя противоположными тенденциями (началами) – стремлением разума к отождествлению различного (т. е. сведением многообразия ощущений к одним и тем же объектам и структурам) и иррациональностью действительности, которая остается всегда иной по отношению к каждому установленному тождеству и требует новых попыток отождествления. Новые попытки приведения иного к тождественному (приведения добытого посредством индукции к объясняемому посредством дедукции) возникают потому, что исходная формула тождества $A=A$ является не аналитической (чистой тавтологией), а синтетической, включающей в себя иное как возможность (Мейерсон опирается на диалектическую логику Гегеля) [Mejerson, 1991, с. 102–142]. Вследствие диалогического устройства разума, который изначально открыт иному, наука непрерывно занимается заполнением иррациональной бреши между тождественным и действительным, что и составляет историю науки [Мейерсон, 1912]. Невозможность полного отождествления будущего с прошлым, новых фактов с предше-

ствующими теориями, апостериорного с априорным подтверждается, считает Мейерсон, открытой Карно необратимостью термодинамических процессов. Необратимость развития природы объясняет науку как историческое предприятие, изучающее это развитие [Meyerson, 1991, с. 153–155]. Если бы эпистемология помыслила науку вне истории, она не вышла бы за пределы тождественного, за которые наука постоянно выходит. Ценой такого рода рациональности стала бы потеря эпистемологией своего предмета – науки.

Исходя из вышесказанного, я соглашусь с выбором Лады Владимировны в пользу исторического подхода к науке, и я думаю, что этот выбор отвечает самому предмету эпистемологического рассмотрения – науке. Ценность исторической эпистемологии заключается в признании такого положения дел. Отсюда и разгадка ее востребованности в наше время, когда развитие науки (и техники) столь явно умножает ряды нетождественного.

Вопрос, вынесенный Ладой Владимировной в заглавие, касается, однако, не столько истории науки в общем, сколько радикальных форм историзма в отношении науки, которые автор квалифицирует как «безжалостный историзм». С точки зрения автора, опасность возникает тогда, когда исторический подход выходит за рамки кумулятивизма, «сохраняющего только внешнее значение многообразия», и «включает в себя дискретность и подвижность оснований научной деятельности». Эта опасность, впрочем, считает автор, успешно компенсируется достоинствами такого подхода.

Я думаю, что связь между двумя видами историзма – «непроблематичным» и «безжалостным» – такая же, как между двумя противоположными тенденциями развития науки, выделенными Мейерсоном. Стремление удержать историю науки под контролем разума равносильно приведению иного к тождественному, а иррациональный зазор, который остается после дедуктивного объяснения индуктивно добываемых историками сведений, выражает сопротивление исторической реальности рациональному закону тождества. Вновь и вновь возобновляемое преодоление этого сопротивления обеспечивает движение мысли и развитие эпистемологических теорий. Поэтому, я полагаю, что Лада Владимировна права в том, что ««безжалостный историзм» – источник энергии для эпистемологии», и хочу добавить, следуя Мейерсону, что этот источник питается из источника историчности науки, который, в свою очередь, питается из источника историчности природы.

Список литературы

- Кант, 1993 – *Кант И.* Критика чистого разума. СПб.: Тайм-Аут, 1993. 477 с.
- Карнап, Ган, Нейрат, 2005 – *Карнап Р., Ган Г., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок // *Логос.* 2005. Т. 47. № 2. С. 13–26.
- Мейерсон, 1912 – *Мейерсон Э.* Тожественность и действительность. Опыт теории естествознания как введение в метафизику. СПб.: Шиповник, 2012. 498 с.
- Поппер, 2004 – *Поппер К.* Логика научного исследования. М.: Республика, 2004. 447 с.
- Feest, Sturm, 2011 – *Feest U., Sturm T.* What (Good) Is Historical Epistemology? // *Erkenntnis.* 2011. Vol. 75. No. 3. P. 285–302.
- Friedman, 1999 – *Friedman M.* Reconsidering Logical Positivism. N. Y.: Cambridge University Press, 1999. 276 p.
- Meyerson, 1991 – *Meyerson É.* Explanation in the Sciences // *Boston Studies in the Philosophy and History of Science.* Vol. 128. B.: Springer: Science + Media, B.V., 1991. 623 p.
- Nasim, 2013 – *Nasim O.* Was ist historische Epistemologie? // *Nach Feierabend* / Ed. by M. Hagner and C. Hirschi. Zurich; B.: Diaphanes, 2013. P. 123–144.

References

- Feest U., Sturm T. “What (Good) Is Historical Epistemology?”, *Erkenntnis*, 2011, vol. 75, no. 3, pp. 285–302.
- Friedman M. *Reconsidering Logical Positivism.* New York: Cambridge University Press, 1999. 276 pp.
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Kritik der reinen Vernunft]. Saint Petersburg: “Taym-Aut”, 1993. 477 p. (In Russian)
- Carnap R., Hahn H., Neurath O. “Nauchnoe miroponimanie – Venskiy kruzhok”, [Wissenschaftliche Weltauffassung – Der Wiener Kreis], in: *Logos*, 2005, no. 2 (47), S. 13–26. (In Russian)
- Meyerson É. “Explanation in the Sciences”, *Boston Studies in the Philosophy and History of Science*, Vol. 128. Berlin: Springer: Science + Media, B.V., 1991. 623 pp.
- Meyerson E. *Tozhdestvennost’ i deystvitel’nost’.* *Opyt teorii estestvoznaniya kak vvedenie v metafiziku* [Identité et réalité]. Saint Petersburg: “Shipovnik”, 2012. 498 pp. (In Russian)
- Nasim O. “Was ist historische Epistemologie?”, M. Hagner and C. Hirschi (eds.). *Nach Feierabend.* Zurich, Berlin: Diaphanes, 2013, pp. 123–144. (In German)
- Popper K. *Logika nauchnogo issledovaniya* [The logic of scientific discovery]. Moscow: Respublika, 2004. 447 pp. (In Russian)